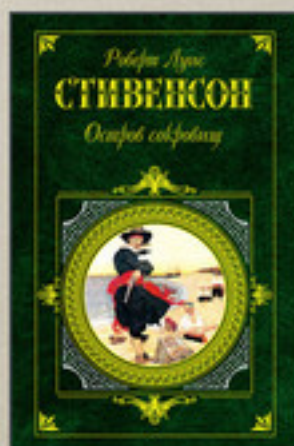

Роберт Стивенсон

Отлив

Часть сборника
Остров сокровищ (сборник)

Роберт Льюис Стивенсон

Отлив

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=663175

Остров Сокровищ; Принц Отто; Отлив: Романы; Дом на дюнах: Повесть: Эксмо; Москва; 2003
ISBN 978-5-699-02325-7, 5-699-02325-9

Аннотация

Английский писатель, шотландец по происхождению, Роберт Льюис Стивенсон (1850–1894) вошел в историю литературы не только как классик неоромантизма, автор приключенческих романов, но и как тонкий стилист, мастер психологического портрета. Романтика приключений сочетается у него с точностью в описании экзотики и подлинным историческим колоритом.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Роберт Льюис Стивенсон

Отлив

1

¹ Роман «Отлив» был написан Стивенсоном совместно с его пасынком Ллойдом Осборном, автором первых четырех глав книги. Работа над произведением началась весной 1892 г.; с ноября 1892 г. по февраль 1894 г. роман выходил отдельными главами в журнальной публикации. Воплощая в себя наблюдения писателя над жизнью европейцев на тихоокеанских островах, роман представляет собой исследование жизни, деформированной борьбой за существование в условиях, пришельцев, в сущности, из другой цивилизации, непривычных и жестоких. Несмотря на экзотическое место действия, роман принадлежит реалистической традиции, предвосхищая аналогичную проблематику творчества Д. Конрада.

Часть первая Трио

Глава 1 Ночь на берегу

По всем островам Тихого океана раскиданы люди самых разных европейских наций и почти всех слоев общества. Люди эти занимаются своими делами и сеют болезни. Одни преуспевают, другие прозябают. Одни взойшли на троны и владеют островами и флотом. Другие вынуждены жениться, чтобы не умереть с голоду, – веселые, стройные, шоколадного цвета особы содержат их, давая возможность пребывать в полной праздности. Одетые по-местному, но сохранившие что-то чужестранное в осанке или в походке, иногда какую-нибудь реликвию, скажем, монокль, отличающий джентльмена и офицера, они проводят дни, растянувшись на верандах, крытых пальмовыми листьями, и развлекают туземных слушателей воспоминаниями о мюзик-холле. Есть и еще один тип европейцев, менее ловких, менее гибких, менее удачливых, быть может, менее бесчестных, которые даже на этих островах изобилия нуждаются в куске хлеба.

На краю города Папезте, на берегу, под деревом пурау сидели трое таких людей.

Было поздно. Давно уже музыканты, не переставая наигрывать, отправились по домам, а за ними, обхватив друг друга за талии и приплясывая, последовала пестрая толпа мужчин и женщин, торговых клерков и морских офицеров, увенчанных гирляндами. Давно уже темнота и тишина обошли все дома игрушечного языческого городка. Лишь уличные фонари все горели на темных улицах, словно светлячки, образуя расплывчатые венчики света или отбрасывая зыбкие отражения на поверхность воды в порту. От штабелей досок, наваленных у правительственного пирса, раздавался храп. Храп этот доносился с изящных шхун типа клипера, стоявших на якоре борт о борт, как ялики. Матросы спали прямо на палубе под открытым небом или набившись под навес посреди нагроможденных товаров.

Но люди под деревом пурау и не помышляли о сне. Такая погода летом в Англии казалась бы нормальной, но для южных морей она была зверски холодной. Неодушевленная природа знала это, и кокосовое масло в бутылках, имеющихся в каждой хижине острова, застыло. Трое людей тоже это знали и дрожали от холода. На них была та же одежда из тонкой бумажной материи, в которой днем они обливались потом или мокли под тропическими ливнями. И, к довершению всех бед, в этот день они почти не завтракали, еще в меньшей степени обедали и совсем не ужинали.

По выражению, столь распространенному в южных морях, эти трое сидели на мели. Общее несчастье свело их вместе – самых жалких существ на Таити, говорящих по-английски; помимо того что они были несчастны, они, собственно, почти ничего не знали друг о друге – даже настоящих имен друг друга. Ибо каждый проделал долгий путь вниз, и каждого на какой-то стадии падения стыд вынудил принять вымышленное имя. И все-таки до сих пор ни один из них еще не привлекался к суду: двое были умеренно порядочными людьми, а у третьего сидящего под деревом пурау в кармане хранился потрепанный Вергилий.

Нечего скрывать: если бы за книгу можно было выручить деньги, Роберт Геррик давно бы отказался от этой последней собственности, но при всем спросе на литературу на некоторых участках южных морей, он не распространяется на мертвые языки, и Вергилий, на которого Геррик не мог поменять пищу, часто утешал его в голодные дни. Потуже затянув пояс, Геррик перечитывал книгу, лежа на полу в заброшенной тюрьме, выискивая излюб-

ленные места и открывая новые, менее прекрасные лишь оттого, что они не были освящены долгим знакомством. То, бывало, он замедлял шаг на загородной глухой тропе, садился на ее краю, над морем, любовался видневшимися на горизонте горами Эймео и затем погружался в «Энеиду», гадая по книге, что ему предстоит. И даже если оракул (как и полагается оракулам) вещал не очень уверенным и ободряющим голосом, то изгнанника, по крайней мере, посещали видения Англии: деловая, строгая классная комната, зеленые спортивные площадки, каникулы, проведенные дома, вечный лондонский шум, домашний очаг и седая голова отца. Таков удел серьезных, сдержанных классических авторов, школьное знакомство с которыми бывает зачастую мучительным: они проникают в нашу кровь и становятся неотделимы от памяти, и потому фраза из Вергилия говорит не столько о Мантуе или Августе², сколько об английских родных местах и собственной безвозвратно ушедшей юности.

Роберт Геррик был сыном умного, энергичного и честлюбивого человека, младшего компаньона в лондонском крупном торговом доме. На мальчика возлагались надежды, его послали в отличную школу, он окончил ее с правом поступить в Оксфорд, что затем и сделал. При всей одаренности и хорошем вкусе (а он, бесспорно, обладал и тем и другим) Роберту не доставало настойчивости и умственной зрелости; он блуждал окольными путями науки, занимался музыкой или метафизикой, тогда как должен был трудиться над греческим, и получил в конце концов самую ничтожную степень. Почти одновременно лондонский торговый дом терпит крах, мистер Геррик-старший вынужден заново начать жизнь клерком в чужой конторе, а Роберт, отказавшись от честлюбивых замыслов, с благодарностью принимает карьеру, которая для него ненавистна и презренна. Он ничего не смыслил в цифрах, не интересовался делами, ненавидел нудные часы отсиживания на службе и презирал стремления и удачи коммерсантов. Он не мечтал о том, чтобы разбогатеть, – лишь бы прожить безбедно. Молодой человек, более недостойный или более решительный, вероятно, отверг бы навязанный ему удел – быть может, взялся бы за перо или поступил бы на военную службу. Роберт же, более благоразумный, а может быть, более робкий, согласился на эту профессию, благодаря которой ему было проще помогать семье. Но душа его осталась мучительно раздвоенной; он чуждался общества бывших товарищей и из нескольких представленных на выбор мест выбрал должность клерка где-то в Нью-Йорке.

С этого времени жизнь для него стала сплошным позорищем. Он не пил, был абсолютно честен, никогда не дерзил нанимателям, но тем не менее его отовсюду увольняли. Не проявляя ни малейшего интереса к своим обязанностям, он не проявлял и усердия; его рабочий день был сплетением дел, которые он выполнял плохо или вовсе забывал выполнить. И с места на место, из города в город он таскал за собой репутацию человека, начисто ни к чему не пригодного. Никто не может без краски стыда носить подобный ярлык, ибо поистине никакой другой ярлык не лишает столь безжалостно самоуважения. А для Геррика, знавшего цену своим способностям и знаниям и относившегося с презрением к тем пустячным обязанностям, к которым его считали неспособным, стыд был особенно уничижительным. Рано начав катиться по наклонной плоскости, он не мог уже посылать домой деньги, а вскоре перестал писать и письма, так как не мог сообщить ни о чем, кроме неудач.

Примерно за год до начала повествования он без работы очутился на улицах Сан-Франциско, и тут он окончательно потерял самоуважение, внезапно сменил имя и на последний доллар купил место на почтовой бригантине «Город Папэте». На что надеялся Геррик, когда направился в южные моря, он едва ли знал сам. Правда, там можно было разбогатеть на

² *Октавий* Гай (с 27 г. до н. э. Цезарь Август; 63 г. до н. э. – 14 г. н. э.) – первый римский император, сподвижник Юлия Цезаря. После убийства Юлия Цезаря расправился с его убийцами. Вел ожесточенную борьбу с Марком Антонием, закончившуюся сокрушительным поражением последнего в битве при Акциуме в 31 г. до н. э. Впоследствии единолично правил Римом.

жемчугах и копре³; правда, другие, не более одаренные, чем он, достигли на островах положения принцев-консртов и королевских министров. Но если бы Геррик отправился туда, преследуя какую-либо достойную цель, он сохранил бы отцовскую фамилию, – чужое имя свидетельствовало о его нравственном крахе. Он опустил свой флаг, он не питал больше надежд на то, что восстановит свою честь или будет помогать своей бедствовавшей семье, и он явился на остров (где, как он знал, климат мягок, хлеб дешев, а нравы просты) как дезертир, сбежавший от жизненной битвы и от своего прямого долга.

Неудача, решил он, его удел; так пусть она будет приятной.

К счастью, сказать «хочу быть подлецом» недостаточно, чтобы стать им. Его карьера неудачника продолжалась, но и в новой обстановке, под новым именем он испытывал не меньшие страдания. Он получил место – и потерял его прежним образом; от благотворительности рестораторов он перешел на откровенную милостыню, но мало-помалу добросердечие окружающих иссякло, и после первых же отпоров Геррик сделался робким. Конечно, вокруг было достаточно женщин, которые охотно согласились бы содержать куда более нестоящего и некрасивого мужчину. Но либо Геррик таких женщин не встречал, либо не распознал, а если и знал их, то, видимо, в нем заговорило мужское самолюбие, и он предпочел голодать. Он мок под дождем; изнывал от жары днем, дрожал от холода ночью в полуразрушенной бывшей тюрьме, выклянчивал пищу или вытаскивал ее из помоек, и товарищами его были двое таких же, как он, отщепенцев. Так многие месяцы осушал он чашу унижения. Он узнал, что значит смириться, что значит вдруг взбунтоваться в порыве ребячьей ярости против судьбы, а потом впасть в оцепенелое отчаяние. Время переделало его. Он больше не тешил себя баснями о легком и даже приятном падении, он лучше изучил свой характер, он оказался не способен подняться на поверхность, но на опыте убедился, что не может сделать и последнего шага, чтобы окончательно пасть. Что-то – вряд ли гордость или сила воли, скорее всего, просто воспитание – удерживало его от полной капитуляции. Но он с возрастающим гневом принимал свои несчастья и порой удивлялся собственному терпению.

Уже четвертый месяц подошел к концу, а все не было никаких перемен и даже предвещаний перемен. Луна, несущаяся через царство летящих облаков всех размеров, форм и плотности, то черных, как чернильные кляксы, то нежных, как молоденькая лужайка, бросала свой по-южному волшебный яркий свет на одну и ту же прелестную и ненавистную картину: остров и горы, увенчанные неизменным облаком, затаившийся город в редких точках огней, мачты в гавани, гладкое зеркало лагуны и стена барьерного рифа, где белели буруны. Луна, прорываясь сквозь облака, моментами, словно раскачивающийся фонарь, освещала и его товарищей: дюжую фигуру американца, капитана торгового судна, разжалованного за какую-то провинность и называвшего себя Брауном, и малорослую фигуру, бледные глаза и беззубую улыбку пошлого и подленького клерка-кокни⁴. Недурное общество для Роберта Геррика! Янки, по крайней мере, был мужчиной; он обладал полновесными качествами – нежностью и твердостью характера, его руку можно было пожать, не краснея. Но никакой привлекательной черты нельзя было найти у другого, который именовал себя когда Томкинсом, когда Хэем и только смеялся над этой несообразностью; он переслужил во всех лавках Папэте, ибо это ничтожество все же не было лишено способностей, но его выгоняли поочередно отовсюду, так как он был испорчен до мозга костей.

Он оттолкнул от себя всех прежних нанимателей, так что они проходили мимо него по улице, как мимо паршивой собаки, а все прежние товарищи шарахались от него, как от кредитора.

³ *Копра* – мякоть плода (ореха) кокосовой пальмы; используется для получения кокосового масла.

⁴ *Кокни* – пренебрежительно-насмешливое прозвище уроженца Лондона из низших слоев населения.

Не так давно судно из Перу завезло инфлюэнцу⁵, и теперь она свирепствовала на всем острове, и особенно в Папее. Со всех сторон вокруг пурау зловеще раздавался, то громко, то утихая, удушающий кашель. Больные туземцы, не умеющие, как и все островитяне, терпеливо переносить приступы лихорадки, выползли из своих жилищ в поисках прохлады и теперь, присев прямо на песок или на вытащенные из воды каноэ, со страхом ожидали наступления нового дня. Подобно тому как крики петухов разносятся в ночи от фермы к ферме, так приступы кашля возникали, затихали и возникали снова. Дрожащий мученик подхватывал знак, поданный соседом, несколько минут корчился в жестоком пароксизме и, когда приступ проходил, оставался лежать в изнеможении, утратив голос или мужество.

Если кто-нибудь обладал неизрасходованным запасом жалости, то израсходовать его следовало именно на Папее в эту холодную ночь и в этот сезон свирепствовавшей болезни. И из всех страдальцев, вероятно, наименее достойным, но, несомненно, наиболее жалким был лондонский клерк. Он привык к другой жизни, к городским домам, постелям, к уходу и всем мелким удобствам, окружающим больного, а тут он лежал на холоде, под открытым небом, ничем не защищенный от сильного ветра и вдобавок с пустым желудком. К тому же он совсем ослаб, болезнь высосала из него все жизненные соки, и товарищи его с изумлением наблюдали, как он сопротивлялся. Ими овладевало глубокое сочувствие, оно боролось с отвращением к нему и побеждало. Их неприязнь усугублялась брезгливостью, вызванной созерцанием болезни, но в то же время, как бы в компенсацию за такие бесчеловечные чувства, стыд с удвоенной силой заставлял их еще неотступнее ухаживать за ним. И даже то дурное, что они знали о нем, усиливало их заботливость, ибо мысль о смерти наиболее невыносима тогда, когда смерть приближается к натурам чисто плотским и эгоистичным. Порой они подпирали его с двух сторон, иной раз с неуместной услужливостью колотили по спине, а когда бедняга откидывался на спину, мертвенно-бледный и обессиленный от злейшего приступа кашля, они со страхом вглядывались в его лицо, отыскивая признаки жизни. Нет такого человека, который не обладал бы хотя бы одним достоинством: у клерка это было мужество, и он спешил успокоить их какой-нибудь шуткой, не всегда пристойного свойства.

— Я в порядке, братцы, — задыхаясь, выдал он однажды, — ничто лучше частого кашля не укрепляет мышцы глотки.

— Ну, вы и молодчага! — воскликнул капитан.

— Да уж, храбрости мне не занимать, — продолжал мученик прерывающимся голосом. — Только чертовски обидно, что на меня одного свалилась такая напасть, и я же еще должен отдуваться и развлекать честную публику. По-моему, кому-то из вас двоих не грех взбодриться. Рассказали бы мне чего-нибудь.

— Беда в том, что нечего нам рассказать, сынок, — отвечал капитан.

— Если хотите, я расскажу, о чем сейчас думал, — проговорил Геррик.

— Рассказывайте что угодно, — сказал клерк. — Мне бы только не забыть, что я еще не помер.

Геррик, лежа лицом вниз, начал свою притчу медленно и еле слышно, как человек, который не знает, что скажет дальше, и хочет оттянуть время.

— Хорошо. Вот о чем я думал, — начал он. — Я думал, что лежу я как-то ночью на берегу Папее, кругом лунный свет да резкий ветер и кашель, а мне холодно и голодно, и я совсем упал духом, и мне лет девятьсот, и двести двадцать из них я провел, лежа на берегу Папее. И мне захотелось иметь кольцо, которое надо потереть, или волшебницу крестную, или же знать, как вызвать дьявола. И я старался вспомнить, как это делается. Я знал, что надо сделать круг из черепов, я видел это в «Волшебном стрелке»⁶, и надо снять сюртук и засучить

⁵ Инфлюэнца — устаревшее название гриппа.

⁶ «Волшебный стрелок» («Вольный стрелок») — опера К. Вебера на тему старинных немецких народных сказаний.

рукава – так делал Формес в роли Каспара⁷, и по его виду сразу можно было определить, что он изучил это дело досконально. И еще надо из чего-то состряпать дым и мерзкий запах – сигара, пожалуй, подошла бы, – и при этом надо прочитать «Отче наш» от конца к началу. Ну, тут я задумался, смогу ли я это сделать, как-никак в некотором роде это немалый подвиг. Меня охватило сомнение: помню ли я «Отче наш» в настоящем-то порядке? И решил, что помню. И вот, не успев добраться до слов «ибо твое есть царствие небесное», как увидел человека с ковриком под мышкой. Он брел вдоль берега со стороны города. Это был довольно безобразный старикашка, он хромал и ковылял и не переставая кашлял. Сперва мне его наружность пришлась не по вкусу, но потом стало жаль старикана – уж очень он сильно кашлял. Я вспомнил, что у нас еще оставалась микстура от кашля, которую американский консул дал капитану для Хэя. Правда, Хэю она ни на грош не помогла, но я подумал, что вдруг она поможет старику, и встал. «Иорана!»⁸ – говорю я. «Иорана!» – отвечает он. «Послушайте, – говорю я, – у меня тут в пузырьке преотличное лекарство, оно вылечит ваш кашель, понятно? Идите сюда, я вам отолью лекарства в мою ладонь, а то все наше столовое серебро находится в банке». Старикашка направился ко мне. И чем ближе он подходил, тем меньше он мне нравился. Но что делать, я уже подозвал его...

– Что это за чушь несусветная? – прервал его клерк. – Прямо белиберда какая-то из книжонок.

– Это сказка, я любил рассказывать дома сказки ребятишкам, – ответил Геррик. – Если вам неинтересно, я перестану.

– Да нет, валяйте дальше! – раздраженно возразил больной. – Лучше уж это, чем ничего.

– Хорошо, – продолжал Геррик. – Только я дал ему микстуры, как он вдруг выпрямился и весь изменился, и я увидел, что вовсе он не таитянин, а араб с длинной бородой. «Услуга за услугу, – говорит он. – Я волшебник из «Арабских ночей»⁹, а этот коврик у меня под мышкой принадлежит Магомету бен-Такому-то. Прикажи – и сможешь отправиться на нем в путешествие». – «Не хотите ли вы сказать, что это ковер-самолет?» – воскликнул я. «А то нет!» – ответил он. «Я вижу, вы побывали в Америке с тех пор, как я в последний раз читал “Арабские ночи”», – сказал я с некоторым сомнением. «Еще бы, – сказал он. – Везде побывал. Не сидеть же сиднем с таким ковром в загородном доме на две семьи». Что ж, мне это показалось разумным. «Ладно, – сказал я, – значит, вы утверждаете, что я могу сесть на ковер и отправиться напрямиком в Англию, в Лондон?» Я сказал «в Англию, в Лондон», капитан, потому что он, видно, давно уже обрелся в вашей части света. «В мгновение ока», – ответил он. Я рассчитал время. Какова разница во времени между Лондоном и Папэте, капитан?

– Если взять Гринвич и мыс Вены, то девять часов с какими-то минутами и секундами, – ответил моряк.

– Ну вот, и у меня получилось примерно столько же, – подхватил Геррик, – около девяти часов. Если тогда, как сейчас, было три часа ночи, по моим расчетам вышло, что я окажусь в Лондоне к полудню, и я ужасно обрадовался. «Загвоздка только вот в чем, – сказал я, – у меня нет ни гроша. Обидно было бы побывать в Лондоне и не купить утренний выпуск «Стэндарда». – «О! – сказал он. – Ты не представляешь себе всех преимуществ этого ковра. Видишь тот карман? Стоит только сунуть туда руку – и вытащишь полную пригоршню соверенов»¹⁰.

– Американских, не так ли? – спросил капитан.

⁷ Каспар – действующее лицо оперы К. Вебера «Вольный стрелок» (1820), егерь.

⁸ Приветствие в Полинезии.

⁹ «Арабские ночи» – имеется в виду сборник «Тысяча и одна ночь».

¹⁰ Соверен – английская монета, равная по достоинству одному фунту стерлингов.

– Вы угадали! То-то они мне показались необычно тяжелыми. Я теперь вспоминаю, что мне пришлось пойти на Черинг-кросс к менялам и получить у них английское серебро.

– Ну? Значит, отправились в Лондон? – спросил клерк. – Что вы там делали? Держу пари, вы первым делом выпили бренди с содовой!

– Понимаете, все произошло, как обещал старикашка, в мгновение ока. Только что я стоял здесь, на берегу, в три часа ночи, и вдруг я уже на Голден-кросс среди бела дня. Сперва меня точно ослепило, я прикрыл глаза рукой – и перемены как не бывало: грохот на Стрэнде звучал, как грохот бурунов на рифе. Прислушайтесь сейчас и услышите шум кэбов и омнибусов и звуки улицы! Наконец я смог оглядеться – и все оказалось по-старому! Те же статуи на площади, и церковь Святого Мартина, и бобби¹¹, и воробы, и извозчики. Не могу вам передать, что я почувствовал. Мне хотелось плакать, что ли, или плясать, или перемахнуть через колонну Нельсона. Меня точно выхватили вдруг из ада и зашвырнули в красивейшую часть рая. Тут я подозвал экипаж, запряженный превосходной лошастью. «Получишь лишний шиллинг, если будешь на месте через двадцать минут!» – сказал я извозчику. Он пустил лошадь хорошим шагом, хотя с ковром это, конечно, не шло ни в какое сравнение. Через девятнадцать с половиной минут я стоял у двери.

– Какой двери? – спросил капитан.

– Так, одного знакомого дома, – ответил Геррик.

– Ручаюсь, что это был трактир! – воскликнул клерк (только он выразился не совсем так). – А чего же вы не перелетели туда на своем ковре, вместо того чтобы тащиться в колымаге?

– Мне не хотелось будоражить тихую улицу, – ответил рассказчик. – Дурной тон. А к тому же мне хотелось прокатиться на извознике.

– Ну и что же вы делали дальше? – спросил капитан.

– Я просто вошел.

– Родители? – спросил капитан.

– Н-да, скажем так, – ответил Геррик, жуя травинку.

– Ну, знаете, по мне, вы самый настоящий простофиля! – воскликнул клерк. – Надо же, прямо «Святые дети»! Уж будьте уверены, моя поездочка была бы не в пример веселее. Я бы пошел и выпил на счастье бренди с содовой. Потом я бы купил широкое пальто с каракулевым воротником, взял бы трость и лихо прошелся бы по Пиккадилли. Потом я бы отправился в шикарный ресторан и заказал бы там зеленый горошек, бутылочку шампанского и котлетку из филе. Ой, я и забыл: сначала я заказал бы кильки в остром соусе, пирог с крыжовником и кофе погорячее и этот... как его, такое зелье в больших бутылках с печатью?... Бенедектин, будь он проклят! Потом я заглянул бы в театр и свел бы там дружбу с какими-нибудь бывалыми ребятами, и мы бы уж поехали по дансингам, и барам, и все такое прочее – закатились бы до утра. А на другой день я бы полакомился кресс-салатом, ветчинкой и булочками с маслом. Уж я бы, мать честная!..

Тут клерка прервал новый приступ кашля.

– А теперь я скажу, что сделал бы я, – произнес капитан. – Мне не по нутру всякие модные коляски, где извозчик правит с самой макушки бизани. Я бы нанял простой, надежный, как шхуна, экипаж с самым большим тоннажем. Для начала я бы стал на якорь у рынка и купил индюка и молочного поросенка. Потом доехал бы до виноторговца и закупил дюжину шампанского и дюжину сладкого вина, густого, пряного и крепкого, что-нибудь такое вроде портвейна или мадеры, самого лучшего в лавке. После я бы взял курс на игрушечную лавку и накупил бы на двадцать долларов всяких игрушек для малышей, а там – в кондитерскую, за пирожными, пирожками и плюшками и за такой штукой со сливами. Оттуда – в киоск,

¹¹ Бобби – прозвище английского полицейского.

скупил бы там все газеты, где только есть картинки для ребят, а для женушки – журналы, где рассказывают про то, как граф открывает свою личность Анне Марии, а леди Мод бежит из сумасшедшего дома, куда ее засадили родственники. И только после этого я велел бы извозчику поворачивать к дому.

– И еще надо сиропу для детей, – напомнил Геррик, – они любят сироп.

– Да, и сиропу, и непременно красного, – подхватил капитан. – И такие штуки – за них потянешь, а они хлопают, и в середине у них стишки. А потом мы бы уж устроили День благодарения и рождественскую елку вкупе. Черт побери, до чего же я хотел бы повидать ребятишек! Вот повыскакивали бы они из дома, когда увидели бы, как их папаша подкатывает в карете! Моя младшая, Эйда...

Капитан вдруг умолк.

– Выкладывайте дальше, – сказал клерк.

– Проклятье, я даже не знаю, не умерли ли они с голоду! – выкрикнул капитан.

– Одно утешение: хуже, чем нам, быть не может, – возразил клерк. – Разве что сам дьявол очень постарается.

И дьявол словно услышал его. Луна скрылась уже некоторое время назад, и они беседовали в потемках. Теперь вдруг послышался стремительно нараставший рев, поверхность лагуны побелела, и не успели изгнанники с трудом подняться на ноги, как на них обрушился шквал дождя. Только тот, кто жил в тропиках, может вообразить всю ярость и силу такого урагана: под его натиском человек захлебывался, как под хлынувшим душем; тьма и вода словно поглотили мир.

Они бросились бежать, ощупью отыскивали свой приют, можно сказать, свой дом – бывшую тюрьму; промокшие, они ввалились в пустое помещение, улеглись на холодный коралловый пол – жалкие подобия людей, – и вскоре, когда ураган миновал, в темноте стало слышно, как стучит зубами клерк.

– Слушайте, ребята, – прохныкал он, – бога ради, лягте поближе, погрейте меня. Будь я проклят, если я без этого не сдохну!

И вот трое сгрудились в один мокрый ком и лежали так, дрожа, задремывая, то и дело возвращаясь к жалкой действительности из-за кашля клерка, пока не наступил день.

Глава 2

Утро на берегу. Три письма

Тучи рассеялись, на Папеезе засияла красота тропического дня; море, разбивающееся о рифы, и пальмы на острове снова затрепетали от жары.

Французский военный корабль покидал остров, возвращаясь на родину; он стоял посередине лагуны – деятельный, как муравейник. Ночью к острову подошла какая-то шхуна, и теперь на ней развевался желтый флаг – знак заразы.

Вдоль берега, огибая мыс, длинной цепочкой тянулись одно за другим каноэ, направляясь к базару, пестревшему, как шаль, разноцветными одеждами туземцев и горами фруктов. Однако ни эта красота, ни приветливое утреннее тепло, ни даже кипучая жизнь порта, столь интересная для моряков и зевак, не привлекала внимания троих отверженных. В душе у них по-прежнему был холод, во рту чувствовалась горечь после бессонной ночи, их пошатывало от голода. В унылом молчании ониковыляли по пляжу, точно хромые гуси. Двигались они к городу, где поднимался дымок, где завтракали счастливы. Их голодные глаза шарили по сторонам, высматривая только пищу.

Небольшая грязная шхуна стояла у самого причала, с которым ее соединяла доска. На передней палубе, под лоскутом навеса, пять канаков, составлявших команду, сидели на корточках вокруг миски с жареными бананами и пили кофе из жестяных кружек.

– Восемь склянок: пробило на завтрак! – воскликнул капитан с наигранной непосредственностью. – С этим судном я еще дела не имел – вот где мой дебют. Похоже, что удастся сделать полный сбор.

Он подошел к тому месту, где конец доски лежал на поросшем травой берегу, повернулся спиной к шхуне и принялся насвистывать веселую песенку «Ирландская прачка».

Она подействовала на матросов как условный сигнал: они разом оторвались от миски и сгрудились у борта, не выпуская из рук бананов и продолжая жевать. Словно несчастный пиренейский медведь, танцующий на улицах английских городов под страхом хозяйской дубинки, очень похоже, но куда живее и ритмичнее, капитан приплясывал в такт своему свисту, и его длинная под утренним солнцем тень дергалась на траве. Канаки глядели на представление и улыбались, Геррик тупо следил за капитаном – на время голод заглушил в нем всякий стыд, – а чуть поодаль раздирали клерка демоны инфлюэнцы.

Внезапно капитан остановился, точно только сейчас заметил зрителей, и изобразил удивление, точно его застали врасплох, когда он развлекался в полном уединении.

– Привет! – сказал он.

Канаки захлопали в ладоши и попросили капитана продолжать.

– Не выйдет, сэр, – отвечал капитан. – Поест нету – танцевать нету. Понимаешь?

– Бедный старик! – отозвался один из матросов. – Твой нету поест?

– Господь видит – нету! – ответил капитан. – Очень хотел поест. Но не имей.

– Очень хорошо. Мой имей, – сказал матрос. – Твоя идет сюда. Очень много кофе, очень много банана. Другая люди тоже идет сюда.

– Пожалуй, мы заглянем на минутку, – сказал капитан, и все трое торопливо перешли по доске на судно.

Там им пожали руки, освободили место у миски, пиршество в честь новоприбывших дополнили оплетенной бутылкой патоки, с бака принесли аккордеон и многозначительно положили рядом с певцом.

– Скоро, – сказал капитан, небрежно тронув инструмент, и принялся за длинный душистый банан, расправился с ним, поднял кружку с кофе и кивнул матросу, с которым вел переговоры. – За твоё здоровье, дружище, ты делаешь честь южным морям, – провозгласил он.

С собачьей жадностью они глотали горячую пищу и кофе; даже клерк немного ожил, глаза его заблестели. Чайник опорожнили, миску опустошили; хозяева, прислуживавшие им с веселым гостеприимством, подали десерт – местный табак и свернутые в трубочку листья пандануса вместо бумаги, и через минуту все сидели кружком и дымили, как индейские вожди.

– Когда человек завтракает каждый Божий день, ему не понять, что это такое, – заметил клерк.

– Следующая проблема – обед, – проговорил Геррик и вдруг со страстью добавил: – Как бы я хотел быть канаком!

– Одно я знаю твердо, – сказал капитан, – я дошел до точки. Я скорее повешусь, чем буду еще гнить здесь живьем. – С этими словами он взял аккордеон и заиграл «Дом, милый дом».

– Перестаньте сейчас же! – закричал Геррик. – Я этого не могу вынести!

– Я тоже, – сказал капитан, – но что-то ведь надо играть, надо оплатить счет, сынок.

И он запел «Тело Джона Брауна» приятным мягким баритоном, затем последовал «Модник Джим из Каролины», потом «Рорин-храбрец», «Спускайся ниже, колесница» и «Дивная страна». Капитан щедро платил по счету, как делал и прежде, не один раз он покупал пищу за ту же монету у любящих песни туземцев, неизменно, как и теперь, вызывая восторг.

Он допел до середины «Пятнадцать долларов в кармане», вкладывая в исполнение много энергии и упорства, так как работа шла со скрипом, как вдруг среди матросов почувствовалось какое-то волнение.

– Капитан Том идет, – показал рукой матрос.

Трое бродяг, проследив за его рукой, увидели человека в пижамных штанах и белом джемпере, быстро шагающего со стороны города.

– Так это и есть тапена¹² Том? – прервав пение, спросил капитан. – Не пойму, что он за птица.

– Лучше сматываться, – заметил клерк. – Мне он не нравится.

– Отчего же? – задумчиво протянул певец. – Чаще всего нельзя сказать так сразу. Пожалуй, я попробую. У музыки, ребятки, есть такое свойство – смягчать лютых тапена. А вдруг дело выгорит и все завершится пуншем со льдом в капитанской каюте?

– Пунш со льдом? Мать честная! – сказал клерк. – Давайте что-нибудь такое, капитан, чтоб его забрало. Попробуйте «По лебяжьей реке».

– Ничего подобного, сэр! Тут пахнет Шотландией, – ответил капитан и отчаянно затянул «Давным-давно то было».

Капитан Том продолжал идти тем же быстрым, деловым шагом. На его бородатом лице, когда он враскачку прошел по доске, не отразилось ничего. Он даже глаз не скосил в сторону певца.

Мы с ним плескались в ручейке
С рассвета допоздна, —

звучала песня.

Капитан Том нес под мышкой пакет, который положил на крышу надстройки, и тут только он резко повернулся к бродягам и прорычал:

– Эй, вы! Проваливайте!

¹² Капитан (полинез.).

Клерк с Герриком, не соблюдая строгого порядка отступления, тут же бросились на берег по доске. Певец, однако, отшвырнул инструмент и медленно поднялся во весь рост.

– Что это вы так разорались? – сказал он. – Мне что-то хочется поучить вас вежливости.

– Коли будете еще разевать свою паршивую пасть, – отозвался шотландец, – я покажу вам, где раки зимуют. Я кое-что слышал про вас троих. Правительство держит вас на прицеле. Оно скоро на расправу со всякими проклятыми бродягами, надо отдать французам должное.

– Погодите, попадетесь вы мне на суше! – закричал капитан, а затем добавил, обращаясь к команде: – Прощайте, ребята. Вот вы – настоящие джентльмены! Самый разнесчастный среди вас выглядит на шканцах лучше, чем этот поганый шотландец.

Капитан Том не снизошел до ответа, с неприятной усмешкой он наблюдал за бегством незваных гостей и, едва последний из них сошел на берег, повернулся к матросам и велел им заняться грузом.

Бродяги бесславно отступали по берегу; первым шел Геррик, лицо его побагровело, колени тряслись, он был в бешенстве и близок к истерике. Он бросился на землю там же, под тем же пурау, где они мерзли в прошлую ночь, громко застонал и зарылся лицом в песок.

– Не говорите со мной, молчите! Я этого не вынесу! – вырвалось у него.

Двое других в замешательстве смотрели на него сверху.

– Чего это он там не вынесет? – сказал клерк. – Позавтракал, и ладно. Я так до сих пор облизываюсь.

Геррик поднял пылающее лицо с безумными глазами.

– Я не могу попрошайничать! – выкрикнул он пронзительно и снова повалился ничком.

– Пора с этим кончать, – проговорил капитан, вдохнув воздух сквозь сжатые зубы.

– А что, по-вашему, виден конец? – насмешливо фыркнул клерк.

– Для него конец недалек, можете на этот счет не сомневаться, – возразил капитан. – Вот что, – добавил он более веселым тоном, – вы тут дожидаетесь меня, а я пойду проведаю моего представителя.

Он повернулся на каблуках и раскачивающейся походкой моряка зашагал к городу.

Вернулся он приблизительно через полчаса. Клерк дремал сидя, прислонившись к дереву; Геррик в прежней позе лежал на песке. Нельзя было понять, спит он или нет.

– Эй, ребята! – окликнул их капитан со своей обычной наигранной бодростью, от которой порой становилось больно. – У меня есть мысль. – И он показал почтовую бумагу, конверты с марками и карандаш. – Мы все можем послать домой письма с почтовой бригадантиной. Консул позволил зайти к нему и надписать адреса чернилами.

– Что ж, все-таки что-то новое, – заметил клерк. – Мне это и в голову не приходило.

– Это вчерашняя болтовня о возвращении домой меня надоумила, – пояснил капитан.

– Ну, давайте, что ли, – сказал клерк. – Попробую и я. – И он отошел подальше, туда, где лежало каноэ.

Двое других остались под деревом. Они то начинали писать, то вымарывали написанное ранее; то сидели, уставившись на залив, покусывая кончик карандаша, а то переводили взгляд на клерка, который сидел в тени каноэ, упершись в него спиной, ухмылялся и кашлял, а карандаш его проворно летал по бумаге.

– Не могу, – вдруг сказал Геррик. – Духу не хватает.

– Послушайте, – сказал капитан с непривычной серьезностью, – может, и трудно писать, да еще неправду, знает Бог – трудно. Но так будет честнее. Что вам стоит написать, что вы здоровы и счастливы, но, к сожалению, не можете послать денег с этой почтой. Если не напишете так, то я вам скажу, как это называется: это будет чистейшей воды скотство.

– Легко говорить, – возразил Геррик. – Я вижу, вы и сами не очень-то много написали.

– При чем тут я? – вырвалось у капитана. Голос его был не громче шепота, но очень взволнованный. – Что вы обо мне знаете? Если бы вы командовали лучшим барком, какой выходил из Портленда, если бы вы валялись пьяный на койке, когда барк налетел на рифы в Группе четырнадцати островов, и, вместо того чтобы там остаться и потонуть, вылезли бы на палубу, и отдавали пьяные распоряжения, и загубили бы шесть душ, тогда бы вы имели право говорить! Вот так, – сказал он уже спокойнее, – такова моя история, теперь вы ее знаете. Недурно для отца семейства. Погибли пятеро мужчин и одна женщина. Да, на борту находилась женщина, хотя ей нечего там было делать. Наверное, я отправил ее прямо в ад, если есть такое место. Домой я так и не показал глаз, жена с малышами переехала в Англию к своему отцу. Даже не знаю, что с ними, – добавил он с горечью.

– Благодарю вас, капитан, – сказал Геррик. – Вы мне теперь еще симпатичнее.

Отводя глаза, они коротко и крепко пожали друг другу руки, и нежность переполнила их сердца.

– Итак, ребятки, снова за вранье! – сказал капитан.

– Отца я не буду трогать, – отозвался Геррик, криво улыбаясь. – Из двух зол выберу свою милую.

Вот что он написал:

«Эмма, я начал писать отцу, но зачеркнул, потому что, пожалуй, проще написать тебе. Это мое прощание со всеми, последнее известие о недостойном друге и сыне. Я потерпел крах, я сломлен и опозорен. Я живу под чужим именем. Тебе придется со всей твоей мягкостью поведать об этом отцу. Я сам во всем виноват. Я знаю, захоти я – и мог бы преуспеть, и все же, клянусь тебе, я пытался захотеть. Невыносимо, что ты будешь думать, будто я не пытался. Ведь я всех вас люблю, в этом уж ты не должна сомневаться, именно ты. Я любил постоянно и неизменно, но чего стоила моя любовь? Чего стоил я сам? Я не обладал мужеством рядового клерка, не умел работать, чтобы заслужить тебя. Теперь я тебя потерял и даже способен радоваться этому: для тебя это к лучшему. Когда ты впервые появилась у нас в доме, – помнишь ли ты те дни, я так хочу, чтобы ты их не забывала, – тогда ты знала меня в мою лучшую пору, знала все лучшее, что есть во мне. Помнишь тот день, когда я взял твою руку и не отпускал ее, и тот день, когда мы глядели с моста Бэттерси на баржу и я начал рассказывать одну из своих дурацких историй, а потом вдруг сказал, что люблю тебя? Тогда было начало, а сейчас, здесь, – конец. Когда прочтешь письмо, обойди и поцелуй всех за меня на прощание – отца и мать, братьев и сестер, одного за другим, и бедного дядюшку. Попроси их всех забыть меня и забудь сама. Поверни в двери ключ, не пускай обратно воспоминаний обо мне, покончи с призраком, который выдавал себя за живого человека и мужчину и похитил твою любовь. Все время, пока я пишу, меня мучает презрение к себе: я бы должен сообщить, что я благополучен и счастлив и ни в чем не нуждаюсь. Не то чтобы я хорошо зарабатывал – в таком случае я послал бы вам денег, – но обо мне заботятся, у меня есть друзья, я живу в дивном месте, о каком мы с тобой мечтали, так что жалеть меня незачем. В таких местах, как ты понимаешь, живет легко и неплохо, но часто бывает трудно заработать хотя бы полишиллинга. Растолкуй это моему отцу, он поймет. Больше мне нечего прибавить, я только мешкаю, точно гость, которому не хочется уходить. Да благословит тебя Бог. Подумай обо мне в последний раз, представь меня здесь, на ярком берегу, где небо и море неестественно сини и огромные буруны ревут на барьерном рифе,

где островок сплошь покрыт зеленью пальм. Я здоров и крепок. И все-таки я умираю. Умереть так приятнее, чем если бы вы толпились у постели больного. Шлю тебе прощальный поцелуй. Прости и забудь недостойного».

Он уже дошел до этих слов, бумага вся была исписана, и тут на него нахлынули воспоминания: вечера за фортепьяно, и та песня, шедевр любви, в котором столь многие нашли выражение для своих драгоценнейших чувств. «Однажды, о чудо!» – приписал он. Этого было достаточно. Он знал, что в сердце его любимой вспыхнут все слова в сопровождении прекрасных образов и мелодии – о том, как всю жизнь ее имя будет звучать в его ушах, ее имя будет повсюду повторяться в звуках природы, а когда придет смерть и душа его отлетит, память о ней будет еще долго трепетать в его мертвом теле.

Однажды, о чудо! Однажды из пепла моего сердца
Вырос цветок...

Геррик с капитаном закончили почти одновременно. Оба задыхались. Глаза их встретились, и оба отвернулись, заклеивая конверты.

– Что-то длинно вышло, – сказал капитан грубовато. – Сперва не получалось, а потом как прорвало.

– У меня то же самое, – отозвался Геррик. – Стоило начать, и, кажется, мне не хватило бы и целой стопки. Но это было бы в самый раз для всех тех хороших слов, которые мне хотелось написать.

Они не кончили еще надписывать адреса, когда небрежной походкой подошел клерк, ухмыляясь и помахивая конвертом, как человек, который очень доволен собой. Он заглянул Геррику через плечо.

– Это что? – спросил он. – Да вы вовсе не домой пишете.

– Нет, все-таки домой, – возразил Геррик, – она живет у моего отца. А-а, я понял, что вы имеете в виду, – добавил он. – Мое настоящее имя Геррик. Я такой же Хэй, как и вы, смею думать.

– Ловко забили шар! – клерк расхохотался. – Меня звать Хьюиш, ежели хотите знать. На островах у всех имена выдуманные. Ставлю пять против трех, что у нашего капитана тоже не свое.

– Угадали, – ответил капитан. – Своего я не выговаривал с того дня, как вырвал заглавную страницу из Боудича и забросил его к черту в океан. Но вам, ребята, я скажу: меня зовут Джон Дэвис. Я Дэвис с «Морского скитальца».

– Быть не может! – вставил Хьюиш. – А что это был за корабль? Пират или торговцев?

– Это был самый быстроходный барк, когда-либо выходивший из Портленда, штат Мэн, – ответил капитан, – а потерял я его так, что с таким же успехом мог сам провертеть сверлом дыру у него в борту.

– Так вы его потеряли? – протянул клерк. – Надо думать, он был застрахован?

Не получив ответа на свою шутку, Хьюиш, все еще распираемый желанием поговорить, перескочил на другой предмет.

– Очень мне охота прочесть вам мое письмо, – начал он. – У меня недурно получается, когда я в ударе, а я придумал первоклассную шутку. Я с ней познакомился в Нордэмптоне, она служила в баре: такая свеженькая миленькая штучка, бездна шику. Мы с ней спелись, точно актеры в театре. Я на эту девчонку потратил, наверное, не меньше пяти фунтов. Ну вот, я вспомнил ее имя, написал ей и нарасказал, будто я разбогател, женился на королеве Островов и живу в прекрасном дворце. Наврал с три короба! Я вам прочту кусочек про то, как я в цилиндре открывал парламент у черномазых. Обхохочетесь!

Капитан вскочил.

– Вот что ты сделал с бумагой? Стоило мне ее для тебя кланчить!

Вероятно, счастье для Хьюиша (которое в конце концов обернулось несчастьем для всех), что как раз в эту минуту на него напал обычный изнуряющий приступ кашля, – в противном случае товарищи покинули бы его – так велико было их негодование. Когда приступ миновал, клерк подобрал свое письмо, упавшее на землю, и разорвал на клочки.

– Довольно с вас? – угрюмо спросил он.

– Не будем больше об этом говорить, – ответил Дэвис.

Глава 3

Старая тюрьма. Судьба у дверей

Бывшая тюрьма, где так долго укрывались трое бездомных, представляет собой низкое прямоугольное здание с внутренним двором на углу тенистой западной улочки, по дороге к британскому консульству. Двор, поросший травой, усеян всяческими обломками, обрывками, остатками и носит следы пребывания бродяг. На двор выходят не то шесть, не то семь камер; двери, за которыми в свое время томились мятежные китоловы, теперь валяются тут же, на траве. Камеры не сохранили от своего прежнего назначения ничего, кроме ржавых прутьев на окнах.

Пол в одной из камер был слегка подметен; ведро с водой (последняя собственность, оставшаяся у троих отщепенцев) стояло на полу у двери, подле него – половина кокосового ореха вместо ковша; на драных остатках матраса спал Хьюиш – на спине, с открытым ртом и с лицом, как у мертвеца. Зной тропического дня, зелень освещенной солнцем листвы заглядывали в этот темный угол сквозь дверь и окно.

Геррик, шагавший взад-вперед по коралловому полу, время от времени останавливался и обмывал лицо и шею тепловатой водой из ведра. Долгие страдания позади, бессонная ночь, унижения минувшего утра и, наконец, муки, пережитые за то время, что он писал письмо, – все это привело его в то взвинченное состояние, когда боль чуть ли не доставляет удовольствие, время стягивается в миг, а смерть и жизнь становятся равно безразличны. Он ходил взад и вперед, как хищный зверь в клетке, сознание его блуждало в хаосе мыслей и воспоминаний, взгляд скользил по надписям на стенках. Полуосыпавшаяся штукатурка была сплошь покрыта ими: таитянские имена, французские и английские имена, грубые изображения парусных кораблей и дерущихся людей.

Ему вдруг пришло в голову, что он тоже должен оставить на этих стенах след своего пребывания. Он нашел чистое место, вынул карандаш и задумался. В нем проснулось тщеславие, которое так трудно заглушить в себе. По крайней мере, мы называем это тщеславием, хотя, быть может, и несправедливо. Скорее, его подтолкнуло ощущение собственного бытия. Сознание, что жизнь – то единственное и главное, чего он не пытался удержать хотя бы пальцем. Из глубины его взбудораженного существа возникло предчувствие близящейся перемены – к добру или к худу, он не мог сказать. Перемены – только это он и знал, перемены, приближавшейся неслышно, с закутанным, непроницаемым лицом. Вместе с этим предчувствием возникло видение концертного зала, мощные звуки инструментов, затихшая публика и громкий голос музыки. «Судьба стучится в дверь», – подумал он, начертил пять нотных линеек на штукатурке и записал знаменитую фразу из Пятой симфонии¹³. «Ну вот, – подумал он, – они узнают, что я любил музыку и обладал классическим вкусом. Они? Он, я полагаю, – неизвестная родственная душа, которая попадет когда-нибудь сюда и прочтет мою *memor querela*¹⁴. Ха, он получит еще и латынь». И он добавил: «*Terque quaterque beati Queis ante ora patrum*»¹⁵.

Он опять принялся беспокойно шагать, но теперь он испытывал необъяснимое и утешительное чувство, словно исполнил свой долг. Этим утром он выкопал себе могилу, сей-час начертал эпитафию; складки тоги уложены – чего же ради откладывать пустячное дело, которое только и осталось совершить?

¹³ ...из Пятой симфонии. – Произведение Бетховена.

¹⁴ Памятная жалоба (лат.).

¹⁵ «Трижды и четырежды блаженны те, что находятся пред отеческим алтарем» (лат.).

Геррик остановился и долго всматривался в лицо спящего Хьюиша, упиваясь своим разочарованием и отвращением к жизни. Он нарочно растравлял себя созерцанием этой гнусной физиономии. Может ли так продолжаться? Что его еще связывает? Разве нет у него прав, а есть только одна обязанность продолжать путь без отдыха и отсрочки и сносить невыносимое? «Ich trage unertragliches»¹⁶, – всплыла в памяти строчка; он прочел все стихотворение, одно из совершеннейших стихотворений совершеннейшего из поэтов, и его словно ударила фраза «Du, stolzes Herz, du hast es ja gewollt»¹⁷. А где его гордое сердце? И он, опьяняясь презрением к самому себе, обрушился на себя со сладострастием, подобным тому, с каким растравливают больную душу: «У меня нет гордости, нет сердца, нет мужества, иначе как бы я мог влачить эту жизнь, более позорную, чем виселица? Как мог опуститься до нее? Ни гордости, ни способностей, ни силы духа. Даже не разбойник. И голодаю тут – с кем? С тем, кто хуже разбойника, – с ничтожным дьявольским приспешником!» Ярость против товарища нахлынула на него, оглушила; он погрозил кулаком спящему.

Послышались быстрые шаги. На пороге показался капитан, задыхающийся, раскрасневшийся, с блаженным лицом. В руках он нес хлеб и бутылки с пивом, карманы оттопыривались от сигар. Он свалил свои сокровища на пол, схватил Геррика за обе руки и разразился громким смехом.

– Открывайте пиво! – закричал он. – Открывайте пиво и возглашайте аллилуйю!

– Пиво? – переспросил Хьюиш, с трудом поднимаясь.

– Вот именно! – воскликнул Дэвис. – Пиво, да еще сколько! Каждый может употребить – точно зубные таблетки от Ланона – надежно, гигиенично. Ну, кто за хозяина?

– Уж это предоставьте мне, – сказал клерк.

Он отбил горлышко у бутылок обломком коралла, и они по очереди выпили из кокосовой скорлупы.

– Закуривайте, – сказал Дэвис. – За все оплачено.

– Что случилось? – спросил Геррик.

Капитан вдруг посерьезнел.

– Я к этому и веду, – ответил он. – Мне надо потолковать с Герриком. А ты, Хэй, или Хьюиш, или как тебя еще, забирай курево и бутылку и сходи посмотри, как поживает ветер под пурау. Я тебя позову, когда надо будет.

– Секреты? Так не годится, – сказал Хьюиш.

– Послушай, сынок, – сказал капитан, – речь идет о деле, заруби себе на носу. Хочешь упрячиться – как знаешь, оставайся здесь. Но имей в виду: если уйдем мы с Герриком, то заберем с собой и пиво. Понятно?

– Да я вовсе не собираюсь вставлять палки в колеса, – возразил Хьюиш. – Сейчас убе-
рись. Давайте вашу бурду. Можете трепать языком, пока не посинеете, мне наплевать. Я только считаю, что это не по-товарищески, вот и все.

И он, шаркая ногами, потащился вон из камеры под жгучее солнце.

Капитан подождал, пока он покинет двор, и тогда повернулся к Геррику.

– Что такое? – хрипло спросил тот.

– Сейчас скажу, – ответил Дэвис. – Мне надо с вами посоветоваться. У нас есть шанс...
Что это? – воскликнул он, указывая на ноты на стене.

– Что? – переспросил Геррик. – Ах, это! Это музыка – я записал фразу из Бетховена. Она означает, что судьба стучится в дверь.

– Вот как? – протянул капитан, понизив голос, он подошел поближе и стал рассматривать надпись. – А французский что значит? – спросил он, ткнув пальцем в латынь.

¹⁶ «Я несу невыносимое» (нем.).

¹⁷ «Ты, гордое сердце, ты так хотело» (нем.).

– Ну, это просто значит: лучше бы мне умереть дома, – нетерпеливо ответил Геррик. – Так в чем дело?

– «Судьба стучится в дверь», – повторил капитан и, оглянувшись через плечо, сказал: – Знаете, мистер Геррик, дело ведь именно в этом.

– Что это значит? Объясните.

Но капитан снова уставился на ноты.

– А примерно когда вы написали эту штуковину?

– Какое это имеет значение? – воскликнул Геррик. – Скажем, с полчаса назад.

– Господи помилуй, вот чудеса! – вскричал Дэвис. – Некоторые назвали бы это совпадением, но только не я. А я, – и он провел толстым пальцем по строчкам, – назову это Провидением.

– Вы сказали, что у нас есть шанс, – напомнил Геррик.

– Да, сэр! – произнес капитан, вдруг круто поворачиваясь лицом к собеседнику. – Я так сказал. Если вы такой человек, за какого я вас принимаю, значит, у нас есть шанс.

– Не знаю, за какого человека вы меня принимаете, – ответил тот. – Берите ниже – не ошибетесь.

– Дайте руку, мистер Геррик, – сказал капитан. – Я вас знаю. Вы – джентльмен и человек мужественный. Я не хотел говорить при этом лодыре, увидите почему. Но вам я сейчас все выложу. Я получил судно.

– Судно? – воскликнул Геррик. – Какое?

– Ту шхуну, которую мы видели утром в стороне от входа в гавань.

– Шхуна с карантинным флагом?

– Та самая посудина, – ответил Дэвис. – Это «Фараллона», сто шестьдесят тонн водоизмещением, идет из Фриско¹⁸ в Сидней с калифорнийским шампанским. Капитан, помощник и один матрос померли от оспы, наверное, подхватили в Паумоту. Капитан с помощником были единственными белыми, вся команда – канаки. Для христианского порта, конечно, странный подбор. Остались трое матросов и повар. Как они плыли – не знают. Я, кстати, тоже не знаю, как они плыли. Должно быть, Уайзман пил беспробудно, если их занесло сюда. Во всяком случае, он помер, а канаки все равно что заблудились. Они шатались по океану, точно младенцы по лесу, и напоследок уперлись носом в Таити. Здешний консул взялся за это дело, предложил место капитана Уильямсу; Уильямс не болел оспой и отказался. А я тут и явился за почтовой бумагой. Мне показалось, будто что-то наклеывается, когда консул посоветовал мне заглянуть еще, но вам двоим я тогда ничего не стал говорить, чтобы потом не разочароваться. Консул предложил Мак-Нейлу – тот испугался оспы. Предложил корсиканцу Капирати и потом Леблу, или как его там, – не пожелали взяться, дрожат за свои драгоценные шкуры. Наконец, когда уже никого больше не осталось, он предлагает мне. «Браун, беретесь доставить шхуну в Сидней?» – спрашивает он. «Разрешите мне самому выбрать помощника и одного белого матроса, – говорю я, – не доверяю я что-то этой шайке канаков. Заплатите нам всем троим за два месяца вперед, чтобы выкупить из заклада нашу одежду и инструменты, и сегодня к вечеру я проверяю кладовые, пополняю запасы и завтра засветло выхожу в море!» Вот что я ему ответил. «Это меня устраивает, – говорит консул. – И можете считать, Браун, что вам чертовски повезло», – говорит он. И так многозначительно на меня смотрит. Ну, да теперь это не имеет значения. Хьюиша я беру простым матросом, поселяю, само собой, на корму, а вас назначаю помощником за семьдесят пять долларов, и жалованье за два месяца вперед.

– Меня – помощником? Да какой же я моряк! – вскричал Геррик.

¹⁸ Фриско – жаргонное название г. Сан-Франциско.

– Значит, придется научиться, – сказал капитан. – Вы что, воображаете, что я удеру, а вас оставлю тут помирать на мели? Не на того напали, дружище. Да и, кроме того, вы справитесь, я ходил с помощниками и похуже.

– Видит бог, я не могу отказаться, – сказал Геррик. – И, видит бог, я благодарю вас от всего сердца.

– Вот и хорошо, – ответил капитан. – Но это не все. – Он отвернулся, чтобы зажечь сигару.

– А что еще? – спросил Геррик с необъяснимой, но острой тревогой.

– Сейчас подойду и к этому... – Дэвис помолчал минуту. – Слушайте, – продолжал он, держа сигару между большим и указательным пальцами, – попробуйте смекнуть, к чему это ведет. Не понимаете? Ладно, мы получаем двухмесячное жалованье, меньше нельзя – иначе нас не выпустят кредиторы. Раньше чем через два месяца нам до Сиднея не добраться, а когда мы туда попадем... Я вас прямо спрашиваю: что нам это даст?

– По крайней мере, мы снимемся с мели, – ответил Геррик.

– Подозреваю, что в Сиднее есть свои мели, – возразил капитан. – Сказать вам честно, мистер Геррик, я и не собираюсь это выяснять. Нет, сэр! Сидней меня не увидит.

– Говорите проще, – сказал Геррик.

– Проще простого, – ответил капитан. – Я собираюсь присвоить шхуну. В этом нет ничего нового, в Тихом океане каждый год так делают. Стивенс ведь украл недавно шхуну? Хэйз и Пис крали судно за судном. И таких случаев тьма. А груз? Подумайте-ка. Шампанское! Да его как нарочно для нас погрузили. Мы продадим его в Перу прямо на пирсе, а с ним и шхуну, коли найдем дурака, который ее купит. А потом нас ищи свищи. Если вы меня поддержите, клянусь моей жизнью, я доведу дело до конца.

– Капитан, – произнес Геррик дрогнувшим голосом, – не делайте этого.

– Я доведен до отчаяния! – возразил Дэвис. – Подвернулся случай, другого может не быть. Геррик, скажите одно слово, поддержите меня, ведь мы так долго вместе бедствовали.

– Не могу. Простите меня. Но я не могу. Я все-таки еще не так низко пал, – ответил, смертельно побледнев, Геррик.

– А что вы говорили сегодня утром? Что не можете попрошайничать? Либо – либо, сынок.

– Да, но это грозит тюрьмой! – воскликнул Геррик. – Не искушайте меня. Это – тюрьма.

– Слышали, что сказал капитан шхуны, где мы были сегодня утром? – упорствовал капитан. – Ну так он сказал правду. Французы нас не трогали достаточно долго, больше так продолжаться не может. Мы и у них на примете, будьте уверены. Через три недели вы все равно окажетесь в тюрьме, что бы вы ни делали. Я прочел это на лице консула.

– Вы забываете, капитан, – возразил молодой человек. – Есть еще выход. Я могу умереть. Сказать по правде, мне следовало бы умереть три года назад.

Капитан сложил руки на груди и посмотрел ему прямо в глаза.

– Да, – сказал он, – вы можете перерезать себе глотку, что верно, то верно. И большая вам от этого будет польза? А мне что прикажете делать?

Лицо Геррика засветилось странным возбуждением.

– Оба, – сказал он, – оба, вместе. Не может быть, чтобы затея эта доставляла вам удовольствие. Пойдем, – он нерешительно протянул руку, – несколько всплесков в лагуне – и успокоение!

– Знаете, Геррик, мне охота ответить вам, как в Библии: «Изыди, Сатана!» Как! Думаете, я пойду топиться, когда у меня дети умирают с голоду? Доставляет удовольствие? Нет, черт возьми, не доставляет! Но это мой тяжкий крест, и я его понесу, пока не свалюсь. У меня трое детишек, поймите, двое мальчуганов и девочка, Эйда. Беда та, что вы не отец. Я вам скажу, Геррик, я вас люблю, – вырвалось у капитана, – вы мне сначала не понравились,

уж слишком вы были англичанин и воспитанный, но теперь я вас полюбил. Не кто другой, как любящий, борется сейчас с вами. Я не могу выйти в море только с лодырем – это невозможно. Если вы утопитесь, пропал мой последний шанс, последний шанс жалкого бедняги, который хочет заработать на кусок хлеба для своей семьи. Я ничего другого не умею – только водить корабли, а бумаг у меня нет. А тут мне вдруг подвертывается случай, и вы меня бросаете одного! Эх, нет у вас семьи, вот в чем беда!

– Положим, она у меня есть, – возразил Геррик.

– Да, я знаю, – ответил капитан, – вы думаете, что есть. Но семья только тогда, когда есть дети. Только дети идут в счет. Что-то есть в этих плутишках такое... Не могу о них говорить спокойно. Ежели бы вы и впрямь думали о своем отце, о котором столько говорите, или о милой, которой писали сегодня утром, вы бы чувствовали то, что чувствую я. Вы бы сказали: «Что значат законы, и Бог, и все прочее? Моим родным тяжело живется, но ведь они мне свои, я добуду им хлеб или, клянусь, добуду им деньги, даже если придется сжечь Лондон». Вот как бы вы сказали. И даже более того: в душе вы так и говорите в эту самую минуту. Я вижу по вашему лицу. Вы думаете: «Плохой я друг человеку, с которым вместе нищенствовал; а что до девушки, в которую я считаю себя влюбленным, то дохлая же это любовь, если ради нее я не решаюсь пойти на то, на что почти любой согласился бы за бутылку виски». Маловато романтики в такой любви, не о том ведется речь во всяких песенниках. Да что толку мне вас уговаривать, когда в душе у вас можно читать как по писаному. В последний раз вас спрашиваю. Покинете вы меня в самую нужную минуту – судите сами, покинул ли я вас, – или дадите мне руку и попытаете попытать счастья и вернуться домой – почему бы и нет! – миллионером? Скажите «нет», и да сжалится над вами Господь! Скажите «да», и я научу своих малышей на коленях молить за вас Бога каждый вечер. «Благослови, Бог, мистера Геррика!» – вот что они будут повторять один за другим; жена будет в это время сидеть в ногах кровати и держаться за столбики, а маленькие невинные дьяволята... – Он остановился. – Я нечасто распространяюсь про ребятишек, – сказал он, – но уж коли начну, то не остановишь.

– Капитан, – слабым голосом спросил Геррик, – а нет другого выхода?

– Если хотите, я займусь пророчеством, – подхватил капитан с новой энергией. – Откажетесь от моего предложения из-за того, что считаете себя слишком честным, и не пройдет месяца, как окажетесь в тюрьме за мелкое воровство. Даю вам мое честное слово. Я это предвижу, Геррик, если вы этого не видите: вы ведь сломлены. Не думайте, что если сейчас вы откажетесь, вы так и будете жить, как святой. Вы уже почти выдохлись. Не успеете оглянуться, как броситесь в противоположную сторону. Нет, либо мое предложение, либо Новая Каледония. Уверен, что вы там не бывали и не видали этих белых людей – обритых, в пыльной одежде и в соломенных шляпах, когда они бродят шайками по Нумеа при свете фонарей. Они похожи на волков, похожи на проповедников и похожи на помешанных. Хьюиш по сравнению с лучшими из них – ангел. Вот какая вас ждет компания, Геррик, и вы к ним непременно попадете, я вам это предсказываю.

И в самом деле, когда он так стоял и вся его могучая фигура сотрясалась от возбуждения, казалось, что в него вселился пророческий дух и вещает его устами. Геррик взглянул на него и отвел взгляд – неловко было подглядывать за таким волнением. И всякое мужество покинуло Геррика.

– Вы говорите о возвращении домой, – запротестовал он. – Это невозможно.

– Для нас невозможно, – возразил тот. – Капитану Брауну нельзя, мистеру Хэю, его помощнику, нельзя. Но какое отношение это имеет к капитану Дэвису или к мистеру Геррику, недотепа вы этакий?

– Но ведь у Хэйза были его дикие острова, куда он наезжал, – последовало еще одно робкое возражение.

– А у нас вместо диких островов будет Перу, – ответил Дэвис. – Оно было достаточно диким для Стивенса не дальше как в прошлом году. Думаю, что и для нас дикости хватит.

– А команда?

– Канаки... Ну же, я вижу, вы одумались, дружище. Я вижу, вы со мной.

И капитан снова протянул руку.

– Пусть будет по-вашему, – сказал Геррик. – Я пойду на это. Станный поступок для сына моего отца, но я на это пойду. Я пойду с вами, капитан, на жизнь и на смерть!

– Благослови вас Бог! – воскликнул капитан и умолк. – Геррик, – добавил он, улыбаясь, – я, наверное, помер бы на месте, если бы вы ответили «нет».

И Геррик, поглядев на него, почти уверился в этом.

– А теперь объявим новость лодырю, – сказал Дэвис.

– Интересно, как он ее примет, – сказал Геррик.

– Он-то? Ухватится обеими руками! – последовал ответ.

Глава 4

Желтый флаг

Шхуна «Фараллона» стояла при входе в лагуну, в самом узком месте, где перепуганный лоцман поспешил ее поставить и сбежать. Если глядеть с берега сквозь редкую полосу судов, на фоне открытого моря выделялись два предмета: по одну сторону – островок с пальмами, пушками и бастиянами, возведенными сорок лет назад для защиты столицы королевы Помары, по другую сторону – отщепенка «Фараллона», изгнанная за порог порта; она переваливалась с борта на борт до самых шпигатов, размахивая флагом бедствия. Несколько морских птиц с писком и криком носились вокруг шхуны, а невдалеке, на безопасном расстоянии, держался сторожевой катер с военного корабля. Оружие поблескивало в руках солдат. Неистовый солнечный свет и слепящие тропические небеса придавали картине выпуклость и законченность.

Аккуратная шляпка с туземцами в матросской одежде на веслах и портовым доктором за рулем отделилась от берега в третьем часу дня и быстро направилась к шхуне. Носовая часть шляпки была завалена мешками с мукой, луком, картофелем, и среди всего этого восседал Хьюиш, наряженный фок-мачтовым; груда сундуков и ящиков мешала гребцам; на корме, слева от доктора, сидел Геррик в готовой дешевой паре, его каштановая борода была подрезана и заострена, на коленях лежала кipa дешевых романов, а в ногах покоился хронометр, которым заменили хронометр с «Фараллоны», давно остановившийся и потерявший всякую ценность.

Они миновали сторожевой катер, обменялись окликами с помощником боцмана и, наконец, подошли к запретному кораблю. Оттуда не доносилось ни шороха, ни звука, и оттого, что море было очень бурным и риф близок, вокруг шхуны стоял грохот прибоя, похожий на грохот битвы.

– Эй, на шхуне! – окликнул доктор как можно громче.

Тотчас же из надстройки, куда они складывали припасы, показался сперва Дэвис, а за ним оборванная темнокожая команда.

– Привет, Хэй, это вы? – сказал капитан, облачиваясь на поручни. – Пусть доктор пришвартуется тихонечко, будто это корзина с яйцами. Тут дьявольски бурно, а шляпка-то прехрупкая.

Шхуну как раз швырнуло особенно яростно. Она то задирала кверху борт, точно хороший глубоководный пароход, обнажая сверкающую медь, то ее кидало вниз, к шляпке, так что в шпигатах начинала бурлить вода.

– Надеюсь, вы хорошо переносите морскую качку, – заметил доктор. – Без этого вам придется плохо.

Действительно, для того чтобы подняться на борт «Фараллоны» в этом открытом месте, требовалась немалая ловкость. Менее ценные товары были подняты наверх кое-как; хронометр после нескольких неудачных попыток осторожно передали из рук в руки; и осталось самое трудное – погрузить Хьюиша. Наконец даже этот мертвый груз (нанятый матросом первого класса за восемнадцать долларов и отрекомендованный в разговоре с консулом как бесценный работник) был благополучно переправлен на судно, и доктор, вежливо попрощавшись, отплыл обратно.

Трое авантюристов обменялись взглядами, а Дэвис испустил вздох облегчения.

– Теперь давайте установим хронометр, – сказал он и первым вошел в надстройку.

Там было довольно просторно: из кают-компания дверь вела в две другие каюты и порядочных размеров кладовую; переборки были выкрашены в белый цвет, пол покрыт линолеумом. Не осталось никакого беспорядка, никаких признаков прежней жизни – иму-

щество умерших подверглось дезинфекции и было переправлено на берег. Только на столе в блюдечке горела сера, и пары ее заставили вошедших закашляться. Капитан заглянул в каюту по правому борту, где на койке все еще валялись скомканные простыни и отброшенное одеяло, как его отбросили с обезображенного трупа, собираясь хоронить.

– Черт, я же велел черномазым выкинуть этот хлам в воду, – проворчал Дэвис. – Они, наверное, боятся дотронуться. Ладно, по крайней мере, они полили здесь из шланга, и на том спасибо. Хьюиш, беритесь за тряпки.

– Идите вы!.. – огрызнулся Хьюиш, делая шаг назад.

– Это еще что? – рявкнул капитан. – Мой юный друг, вы, кажется, забываетесь – капитан здесь я.

– А мне-то что, – отрезал клерк.

– Ах, так? – заревел Дэвис. – Тогда отправляйтесь спать к черномазым! Марш отсюда!

– Скажите пожалуйста! – протянул Хьюиш. – Думаете, на простачка напали? Шутки шутками...

– Ладно, я сейчас вам разъясню, как обстоит дело, и вы поймете раз и навсегда, пахнет ли тут шутками, – сказал Дэвис. – Я – капитан, и я им буду. Одно из трех. Либо вы подчиняетесь моим приказам как стюард, и в таком случае вы столуетесь с нами. Либо вы отказываетесь подчиняться, я вас отсюда выставляю, и вы катитесь без всяких разговоров. Либо, последнее, я подаю сигнал вон тому военному кораблю и отсылаю вас под конвоем на берег как арестованного за мятеж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.